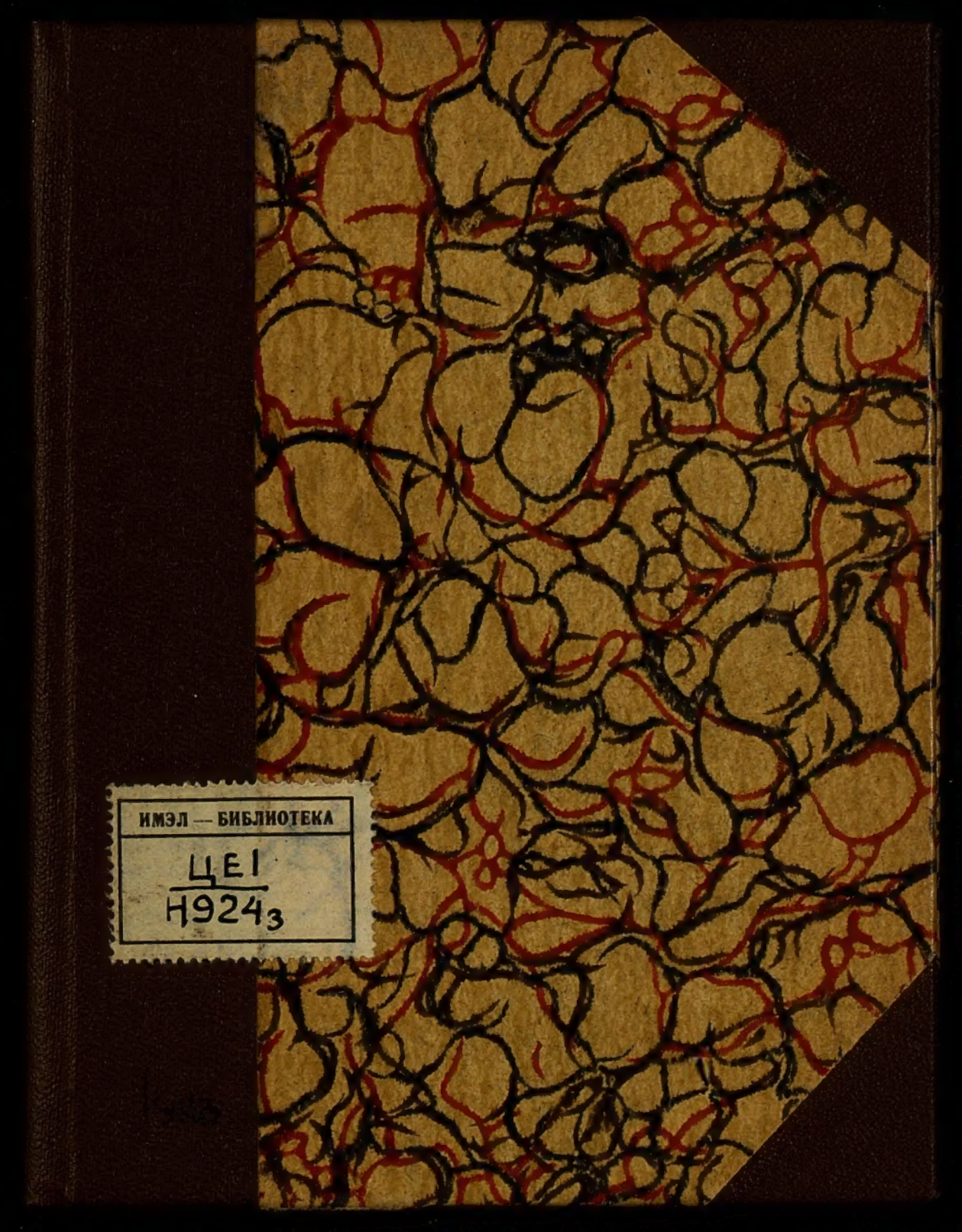
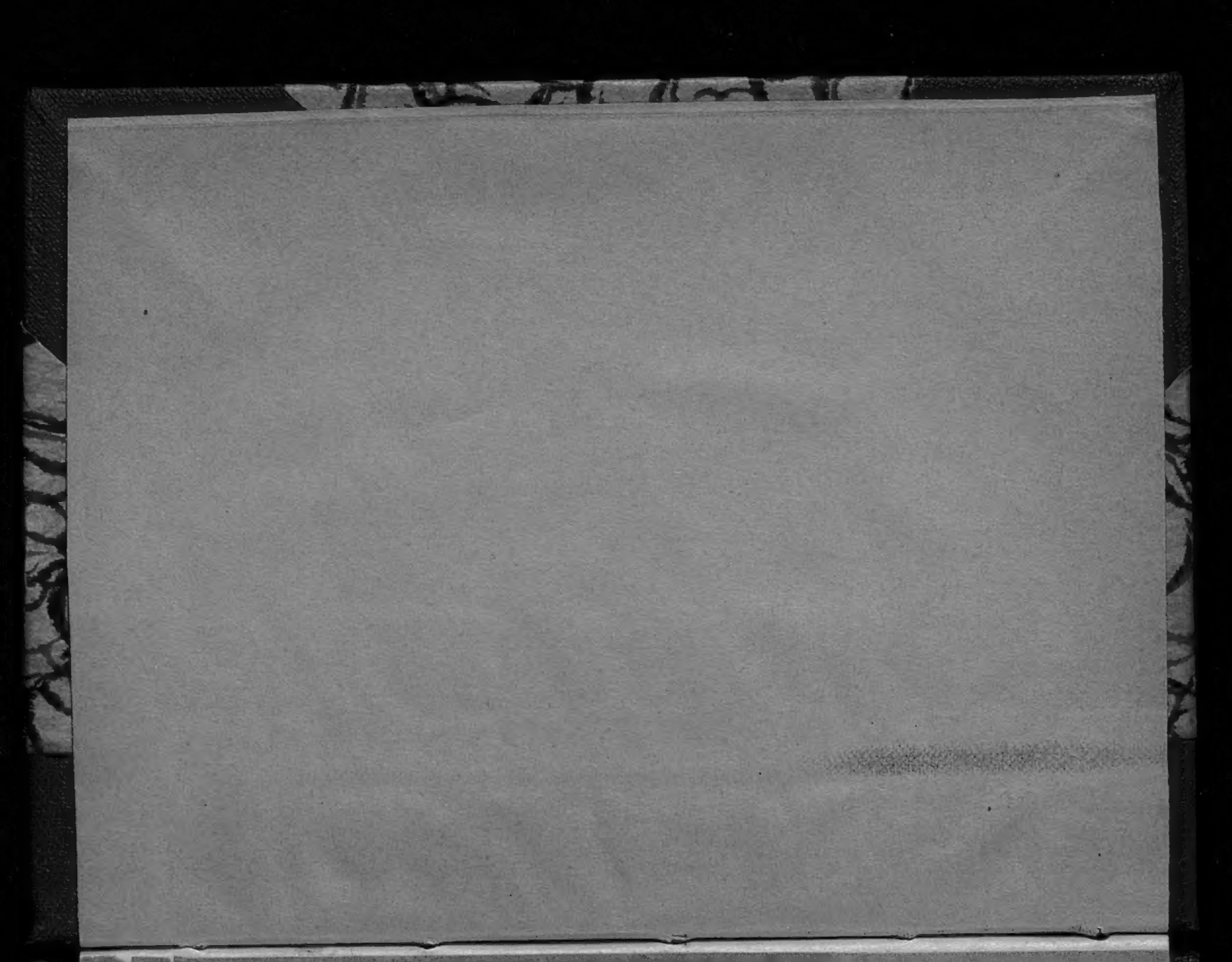


ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
Ц Е I
Н924з



ЦЕІ
Н924
3

Новомірскій.

Манифестъ.

анархистовъ-коммунистовъ.

„Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самого рабочаго класса".

Изданіе группы „Новый міръ".

1905

1 экз

Новомірскій.

Манифестъ

анархистовъ-коммунистовъ.

Изданіе группы „Новый міръ".

1905

К.

4Е1
Н 924 3

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
943
28
4-3229

2011

Борьба классовъ.

Въ основѣ общественной жизни лежитъ коллективная борьба за существованіе. Организація и исторія этой долгой, могучей борьбы и есть общество въ его развитіи.

Чтобы сдѣлать эту борьбу успѣшной, люди должны возможно лучше согласовать свои дѣйствія, иначе говоря, возможно лучше приспособиться къ своимъ орудіямъ труда. Эти отношенія людей въ борьбѣ съ природой суть экономическія или производственныя отношенія. Ихъ форма зависитъ отъ системы орудій труда, отъ степени развитія производительныхъ силъ общества.

Всякой формѣ производства продукта соотвѣтствуетъ опредѣленная форма присвоенія его, т. е. опредѣленная форма собственности, которая охраняется господствующей системой права.

Производственныя отношенія людей мало зависятъ отъ человѣческой воли, такъ какъ представляютъ полустихійный процессъ приспособленія къ мертвымъ орудіямъ труда. Но формы собственности суть вполнѣ продукты сознательной дѣятельности человѣка: онѣ падаютъ съ разрушеніемъ существующаго права.

Въ первобытное время орудія труда были очень просты, такъ же просты были экономическія отношенія: дѣленіе труда на организаторскій и производительный было въ самомъ зачаточномъ состояніи.

Но когда развились производительныя силы, естественно, отдѣлилась функція организаторская отъ производительной. Общество распалось на классы. Классъ производителей ведетъ непосредственную борьбу съ природой, измѣняя ее, ассимилируя ее посредствомъ траты своей энергіи. Классъ организаторовъ руководитъ людьми въ этой борьбѣ, организуетъ ихъ отношенія въ производствѣ.

Съ теченіемъ времени, классъ производителей, нося тяжелое бремя труда, по невѣжеству и забитости попалъ въ подчиненіе классу организаторовъ, которыхъ сама ихъ общественная функція дѣлала просвѣщенными и сильными. Общество распалось на два враждующихъ класса — угнетателей и угнетенныхъ, эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, господъ и рабовъ.

Всякій господствующій классъ, естественно, хочетъ сохранить навсегда свое привилегированное положеніе. Съ этой цѣлью онъ долженъ твердо отстаивать существующую форму собственности и ея внѣшнее выраженіе — данную систему права.

Но какъ это сдѣлать? Раньше всего, нужно освятить въ глазахъ угнетенныхъ существующія экономическія и правовыя отношенія — создаются или развиваются разныя религіозныя или философскія системы морали. Затѣмъ нужна сила, которая карала бы всякое нарушеніе права — создается судъ, полиція, армія. Такъ вырастаетъ неизбѣжно государство.

Пока общественная организація исполняетъ свою основную функцію — содѣйствуетъ коллективной борьбѣ съ природой, а господствующій классъ является фактическимъ организаторомъ производства, общество живетъ и мирно развивается.

Но рано или поздно усовершенствованіе въ техникѣ ведетъ къ перевороту въ производственныхъ отношеніяхъ. Для нормальнаго функціонированія общества необходимо соотвѣтственно измѣнить форму собственности. Но это необходимое измѣненіе сталкивается съ интересами класса эксплуататоровъ и его грозной, организованной силой — государственной властью.

Въ результатѣ форма присвоенія продукта (т. е. форма собственности) находится въ конфликтѣ съ формой его производства (т. е. экономическими отношеніями). Всѣ

выгоды на сторонѣ господствующихъ классовъ, всѣ страданія — удѣлъ угнетенныхъ. Общество перестаетъ быть организаціей коллективной борьбы съ природой, а становится причиной вырожденія трудящихся массъ.

Мало того. Господствующій классъ не только становится препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія общества, но дѣлается общественно-безполезнымъ, паразитомъ. Его назначеніе состояло въ томъ, чтобы организовать общественное производство. Съ измѣненіемъ производственныхъ отношеній вслѣдствіе техническаго переворота, эта организаторская роль переходитъ къ другой общественной группѣ, вышедшей изъ рядовъ доселѣ однородной массы угнетенныхъ.

Тогда классовая борьба принимаетъ особенно жестокую форму. Новый организующій классъ вступаетъ въ борьбу со старымъ, чтобы вырвать у него классовую диктатуру, политическую гегемонію. Такъ какъ старый режимъ довелъ народныя массы до большихъ страданій, онѣ охотно идутъ за новымъ организующимъ классомъ и своею кровью помогаютъ свергнуть старыхъ господъ, но — увы! — только для того, чтобы поставить себѣ на плечи новыхъ и сызнова начать жестокую борьбу.

Итакъ, объективно классовая борьба имѣетъ конечной цѣлью созданіе новой формы собственности для новыхъ формъ производства: это борьба за право. Но съ измѣненіемъ экономическихъ отношеній, глохнутъ, отмираютъ старыя вѣрованія, старые идеалы, выростаетъ новая мораль среди угнетенныхъ: борьба классовъ, субъективно, принимаетъ характеръ борьбы за новый идеалъ, за новую нравственность.

Классовая борьба не можетъ притупляться и кончаться на компромиссѣ, такъ какъ ея источникъ — сама общественная организація, дѣленіе общества на экс-

плуатирующихъ организаторовъ и эксплуатируемыхъ производителей. По необходимости у борющихся классовъ — противоположные интересы, противоположные идеалы. Ихъ борьба есть борьба двухъ міровъ — прошлаго и будущаго: старый міръ долженъ погибнуть, чтобы дать мѣсто новому.

Вся историческая жизнь человѣчества написана кровью борьбы классовъ. Въ ней зачахъ Востокъ и задохся классическій міръ.

Римское общество послѣ вѣковъ самой свирѣпой классовой борьбы попало въ тупой переулокъ, гдѣ оно судорожно билось до тѣхъ поръ, пока его не добили несмѣтныя массы бѣлокурыхъ варваровъ.

Оно должно было погибнуть, потому что ни одинъ общественный классъ не могъ взять на себя инціативу преобразованія устарѣлой формы собственности соотвѣтственно новымъ производственнымъ отношеніямъ, выросшимъ на почвѣ развитія производительныхъ силъ.

Въ самомъ дѣлѣ, рабство, какъ форма собственности, отжило свое время, потому что больше не могло уже даже кормить производителей-рабовъ, а господствующій классъ превратился уже въ настоящаго паразита, такъ какъ даже организація производства перешла въ руки интеллигентныхъ рабовъ. На почвѣ рабства невозможно было дальнѣйшее развитіе, нужно было освободить рабовъ, т. е. измѣнить форму собственности. Но полное освобожденіе рабовъ при тогдашней низкой степени производительности труда было равносильно гибели господствующаго класса. Понятно, что онъ, весь въ цѣломъ, какъ классъ, не могъ взять на себя инціативу своей гибели.

А рабы, благодаря своему невѣжеству, разноплеменности, разбросанности, не выработали яснаго классоваго сознанія, классовой организаціи, которая могла

бы взять на себя грандіозную задачу соціальной революціи.

Толчокъ явился извнѣ. Одряхлѣвшее римское общество пало подъ ударами варваровъ и ихъ союзниковъ-рабовъ подобно тому, какъ нѣкогда палъ Востокъ подъ ударами Рима. Но классовая эксплуатація не исчезла, а только измѣнила свою форму: рабство смѣнилось крѣпостничествомъ.

Вѣка техническаго развитія опять выдвинули изъ среды единой угнетенной народной массы новый общественный слой — буржуазію, которая фактически стала организаторомъ производства и превратила дворянина-феодала въ такого-же паразита, какъ и древній рабовладѣлецъ. А голодъ, страданія и мятежи народа прекрасно доказывали, что феодальная форма собственности стала тормазомъ для буржуазнаго производства. Борьба и побѣда буржуазіи надъ дворянствомъ снова измѣнила форму эксплуатаціи: крѣпостной сталъ „вольнымъ“ рабочимъ, феодальная форма собственности смѣнилась буржуазной.

Но и буржуазное общество отжило уже свое время. Господствующій классъ уже не въ состояніи прокормить своихъ кормильцевъ - рабочихъ. Безработица, кризисы, голодовки, болѣзни рабочаго класса говорятъ объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво. А сама буржуазія стала уже такой-же паразитической, какъ и прежнее дворянство. Гибель буржуазнаго строя, т. е. новая перемѣна въ собственности, стала неизбѣжной — пробилъ торжественный часъ великой соціальной революціи.

Царство капитала.

Современная буржуазная форма присвоенія — частная собственность выросла на почвѣ прежней, буржуаз-

ной формы производства, на почвѣ такъ называемаго ремесла.

Но великій техническій переворотъ XVIII в. радикально измѣнилъ всѣ производственныя отношенія. Мелкій ремесленникъ со своими примитивными орудіями труда не могъ конкуррировать съ могучими орудіями крупнаго капиталиста. Шагъ за шагомъ врывается крупный капиталъ со своей машиной во всѣ уголки мелкаго производства.

Свободный ремесленникъ долженъ былъ бросить свой привычный станокъ съ привычной атмосферой семейнаго труда и подчиниться суровой командѣ капитала. Работа потеряла всякую прелесть разнообразія, цѣльный работникъ превратился въ придатокъ бездушной машины. Ни прежнихъ частыхъ праздниковъ, ни прежняго короткаго рабочаго дня, ни прежняго высокаго заработка! Капиталъ имѣетъ тенденцію захватить въ свои жесткія лапы всю жизнь работника: и день, и ночь, и будни, и праздникъ превратить въ одно сплошное рабочее время, въ одну сплошную каторгу. Въ то же время завѣтная мечта капиталиста понизить рабочую плату до той границы, за которой начинается смерть.

Капиталъ имѣетъ только одно стремленіе — безпрерывно и безгранично увеличивать количество прибавочной цѣнности — количество выжатаго и неоплаченнаго труда. Разъ машина сдѣлала трудъ доступнымъ для всѣхъ, онъ привлекъ цѣлыми толпами женщинъ и дѣтей въ свое святилище, гдѣ кровь и потъ нѣжныхъ женскихъ и дѣтскихъ рукъ превращались въ кружева и ткани. А наплывъ этихъ новыхъ конкуррентовъ еще больше понизилъ рабочую плату, возмутительно удлинилъ рабочій день, сдѣлалъ положеніе рабочаго еще болѣе шаткимъ, ненадежнымъ. Страшная смертность, невѣроятный ростъ профессіональныхъ болѣзней, умственное отупѣніе и нрав-

ственное огрубѣніе были чуднымъ вѣнцомъ этого яркаго капиталистическаго прогресса.

Но недостаточно выжать возможно большей рабочей силы изъ соковъ работника: созданный трудомъ товаръ капиталистъ долженъ продать. И вотъ послѣ безстыдной, расточительной траты человѣческихъ силъ современныхъ рабовъ начинается безумная борьба на рынкѣ за сбытъ кровавыхъ продуктовъ, начинается конкурренція между самими капиталистами. И въ этой борьбѣ болѣе богатый торжествуетъ побѣду и вырываетъ богатство изъ рукъ побѣжденнаго соперника.

Результатомъ ненасытной жажды произвести и сбыть возможно больше являются кризисы и колоніальныя войны. Рынокъ неизбѣжно переполняется товарами, которые не могутъ быть куплены обѣднѣвшей народной массой. Начинается сильное паденіе цѣнъ. Капиталисты сокращаютъ или прекращаютъ производство, торговыя и финансовыя сдѣлки. Цѣлыя массы рабочихъ остаются безъ работы, на улицѣ, подъ угрозой голода, нищеты и преступленій. Этотъ ужасъ продолжается до тѣхъ поръ, пока такъ или иначе не будутъ раскуплены излишнія массы товаровъ, не подымутся цѣны и не будетъ возстановлено равновѣсіе: тогда кризисъ постепенно смѣняется расцвѣтомъ, чтобы снова уступить мѣсто еще болѣе продолжительному, болѣе глубокому и болѣе суровому кризису.

Средствомъ противъ кризисовъ у капиталистовъ можетъ быть только одно — открытіе новыхъ рынковъ. И капиталистъ рыщетъ по всему міру, чтобы огнемъ и мечомъ раздобыть не славу — о, нѣтъ! — а рынокъ. Горе отсталой націи, которая не хочетъ понять великодушныхъ порывовъ просвѣщеннаго буржуа — одарить и осыпать ее своими товарами! „Честь“ культурной націи требуетъ мести, штыками и пушками нужно заста-

вить „варваровъ“ потреблять продукты національной промышленности. Такъ капитализмъ неизбѣжно ведетъ къ жестокимъ колоніальнымъ войнамъ.

Чтобы сохранить за собою добытые грабежомъ и насиліемъ рынки и сдерживать растущее недовольство и мятежный духъ рабочаго класса, буржуазія взвалила на плечи народа такое тяжелое бремя милитаризма и маринизма, что общество задохнется, если его не освободитъ рабочая революція.

Кризисы, безработица и голодъ, громадный процентъ смертности рабочихъ, непосильное бремя налоговъ, солдатчина, которая убиваетъ въ человѣкѣ все свободное, гордое и свѣтлое, проституція, — вотъ что принесла міру буржуазія. Но она не только убила благосостояніе рабочихъ массъ, она грубо ворвалась во всѣ тайники человѣческой жизни и загрязнила, опошлила ее. Уютную мастерскую она замѣнила грязной фабричной казармой, семью — проституціей, духъ безпабашной наживы сдѣлала душою жизни, войну всѣхъ противъ всѣхъ — ея закономъ.

Она не постыдилась внести ложь и развратъ въ тотъ самый священный храмъ науки, въ которомъ она еще недавно сама благоговѣйно приносила жертвы богу Разума. Ея лакеи, наемные ученые, начали позорную проповѣдь религіи и метафизическаго идеализма, созидать и возстановлять самыя безумныя системы морали: они стали поднимать изъ праха все то, что она сама когда то, въ пору юности, такъ дерзко повергла на землю. И все это — только для того, чтобы отравить духовнымъ ядомъ рабочій классъ, усыпить его сознаніе метафизическимъ опіумомъ и, подъ защитой бога и морали, сохранить свое жестокое господство, царство чистогана и барыша.

Безъ сомнѣнія, міръ ожидало новое, полное варварство. Невѣроятный ростъ богатства наверху, страшная бѣдность внизу! Гигантское развитіе научныхъ знаній въ не-

большой привилегированной кучкѣ, и безграничное невѣжество въ массахъ. Съ одной стороны, ростъ господства человѣка надъ природой — съ другой, быстрое вырожденіе рабочаго класса.

Но, къ счастью для человѣчества и культуры, въ нѣдрахъ современнаго общества родились силы, которыя должны и могутъ положить конецъ царству Капитала. И эти силы растутъ съ каждымъ днемъ. Ихъ роста ничто остановить не можетъ. Противъ нихъ безсильны тюрьмы, войско и ложная наука. Медленно, но вѣрно онѣ подрываютъ сами корни современнаго строя. Эти силы — сознаніе и организація рабочаго класса.

Соціальная революція.

Всѣ страданія и муки прежнихъ угнетенныхъ трудящихся классовъ не могли дать полную свободу труженику потому, что слишкомъ слабы были производительныя силы, чтобы полное экономическое равенство, т. е, совершенно вольная организація труда, повело человѣчество впередъ, а не назадъ, и потому, что слишкомъ неразвитъ былъ трудящійся классъ, чтобы самъ взять на себя руководство производствомъ. Постоянно нуженъ былъ спеціальный организаторъ. Но, организуя производство, организаторы неизбѣжно становились во главѣ его: экономическое первенство рано или поздно приводило ихъ къ политическому господству, къ классовой диктатурѣ. Развѣ первобытный патріархъ не былъ общественно-полезной, необходимой личностью въ производствѣ? А изъ мирныхъ патріарховъ выросли греческіе и римскіе аристократы. Развѣ могло обойтись европейское общество безъ глубоко-полезной дѣятельности феодаловъ-помѣщиковъ, которые въ началѣ среднихъ вѣковъ строили мельницы, дороги, охраняли мирныхъ тружениковъ и жили не лучше послѣдняго изъ работниковъ? А они съ

теченіемъ времени превратились въ самую подлую, чванливую, безполезную и деспотическую касту. А наша развратная, разнузданная, жестокая буржуазія? развѣ она не родилась въ лонѣ мирныхъ городскихъ мастеровъ? Вся исторія неопровержимо убѣждаетъ насъ въ томъ, что, гдѣ есть организаторская группа, рано или поздно создается экономическое неравенство, которое необходимо увѣнчается политическимъ господствомъ организаторовъ. Только вольная, анархическая организація общества не даетъ мѣста зарожденію новыхъ угнетающихъ классовъ. Но только капитализмъ впервые создалъ условія для полнаго освобожденія рабочаго класса.

Современныя гигантскія орудія сдѣлали трудъ въ тысячи разъ производительнѣе. Любая страна теперь производитъ или можетъ производить столько продуктовъ, чтобы удовлетворить даже потребности роскоши всего общества. А раціональное земледѣліе можетъ прокормить въ сотни разъ большее населеніе, чѣмъ наличное. Только абсолютное невѣжество или слѣпая преданность интересамъ господствующаго класса можетъ отрицать тотъ фактъ, что современныя грандіозныя производительныя силы вполнѣ сдѣлали возможнымъ коммунизмъ.

Но что сказать о нашихъ путяхъ сообщенія, театрахъ, музеяхъ, университетахъ, клубахъ? Сколько умственныхъ и художественныхъ наслажденій смогутъ они доставить освобожденному человѣчеству? Да, только теперь есть матеріальная основа для полнаго освобожденія труда, для полнаго освобожденія святой человѣческой личности.

Капитализмъ сдѣлалъ еще больше: онъ создалъ ту общественную силу, которая можетъ и должна взять на себя задачу разрушенія буржуазнаго общества — онъ создалъ современный пролетаріатъ. И не только создалъ, онъ самъ разбудилъ его сознаніе и толкнулъ его на дѣ-

ло классовой организаціи.

Въ сущности капитализма лежитъ тенденція — уравнить всѣхъ пролетаріевъ передъ деспотической волей капитала. Одинъ и тотъ же рабочій день, одновременное начало и прекращеніе работъ, одна и та же дисциплина, одинъ и тотъ же эксплуататоръ, почти одна и та же плата! Все это невольно развиваетъ въ рабочихъ идею солидарности ихъ интересовъ, будитъ взаимное братское сочувствіе. Къ тому же капитализмъ концентрируетъ промышленный и торговый пролетаріатъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и этимъ неизмѣримо увеличиваетъ его силу, дѣлаетъ его господиномъ промышленныхъ центровъ и, можно смѣло сказать, господиномъ даже всей страны.

Общая работа, общая борьба, общія страданія создаютъ въ пролетаріатѣ благородныя мечты и сознаніе о его великомъ общественномъ значеніи и высокой исторической миссіи. И сознаніе это растетъ параллельно развитію капитализма.

Когда капитализмъ еще слабо развитъ, онъ представляется чѣмъ то случайнымъ и временнымъ. Случайный и временный характеръ носитъ и борьба пролетаріевъ. Мы видимъ тогда только отдѣльныя вспышки рабочихъ часто по поводу ничтожныхъ пустяковъ. На этой стадіи капитализма рабочіе борются совершенно стихійно. Они не имѣютъ никакого представленія о соціальномъ антагонизмѣ. Ихъ тяжелое положеніе имъ кажется дѣломъ злоупотребленія хозяина или мастера. Понятно, что имъ и въ голову не приходитъ мысль о какой-нибудь рабочей организаціи для охраны ихъ интересовъ: вѣдь объ этихъ интересахъ своихъ они имѣютъ крайне смутное представленіе. Для устраненія того или иного хозяйскаго „злоупотребленія“ кажется достаточнымъ хорошенько наказать виновника: нужно сжечь фабрику,

машины сломать, убить хозяина, постоянная организація — излишня.

Но дальнѣйшее развитіе капитализма дѣлаетъ общими условія труда и положеніе рабочихъ въ цѣломъ рядѣ предпріятій, цѣлой отрасли промышленности. Отдѣльныя частныя мелочи отступаютъ на задній планъ, первенствующее значеніе для цѣлыхъ массъ рабочихъ пріобрѣтаютъ ихъ общія условія работы и общія муки эксплуатаціи. Наступаетъ время массовыхъ или частичныхъ стачекъ. Тогда подкапывается прежній наивный, утопическій взглядъ на капитализмъ и соціальныя отношенія, впервые созрѣваетъ идея о солидарности рабочихъ, по крайней мѣрѣ, объ ихъ профессіональной солидарности. Стихійныя стачки смѣняются сознательными. Создаются боевыя рабочія профессіональныя организаціи.

На послѣдующей стадіи развитія капитализма, съ полнымъ торжествомъ крупнаго производства, машина желѣзными цѣпями приковываетъ работника къ капиталисту, хозяину и повелителю страны. Общество превращается въ одну чудовищную фабрику, гдѣ повелѣваетъ одинъ и тотъ же капиталистъ, угнетенъ и задавленъ одинъ и тотъ же рабочій. Ссоры между отдѣльными группами эксплуататоровъ все больше исчезаютъ. Промышленные капиталисты, купцы, финансисты и землевладѣльцы превращаются въ одну массу, одинъ сплоченный классъ, живущій соками рабочихъ. Но и среди рабочихъ исчезаетъ рознь, отмираютъ различія и соперничество обученныхъ и необученныхъ тружениковъ, интеллигентные работники превращаются въ настоящихъ пролетаріевъ. Теперь борются не отдѣльныя группы рабочихъ съ отдѣльными капиталистами: это воюетъ Пролетаріатъ и Буржуазія, Трудъ и Капиталъ. На этой ступени развитія создаются громадные національные и меж-

дународные союзы рабочихъ и зрѣетъ мысль о единой всемірной организаціи Труда. Это эпоха генеральныхъ стачекъ.

Что же будетъ дальше?

Нужно быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть, какъ на горизонтѣ вырисовывается уже новый и послѣдній фазисъ борьбы рабочаго класса.

Посредствомъ генеральныхъ стачекъ, въ рамкахъ существующаго строя можно добиться 8-ми или даже 7-часового рабочаго дня, можно значительно повысить плату. Но дальнѣйшее совершенствованіе техники, ростъ арміи безработныхъ, выступленіе на арену новыхъ капиталистическихъ конкуррентовъ, кризисы, повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости, ростъ налогового бремени сведутъ почти къ нулю матеріальное значеніе завоеванныхъ улучшеній. Рабочіе необходимо должны натолкнуться на барьеръ — на капитализмъ. Они должны тогда понять, что дѣло не въ капиталистахъ одной страны или всего міра, а въ самомъ капиталистическомъ строѣ. Тогда непосредственной цѣлью борьбы станетъ Соціальная Революція, программой дня — уничтоженіе частной собственности на всѣ средства производства.

Такимъ образомъ пролетаріатъ своей революціей устранитъ основную ненормальность современного общества — частную форму присвоенія при общественной формѣ производства, частную собственность на почвѣ коллективизма.

Но какова же будетъ форма собственности на предметы потребленія? Останутся ли они частной собственностью или также станутъ собственностью всѣхъ? Иначе говоря, будетъ ли въ будущемъ только производство общественнымъ или такимъ-же станетъ и потребленіе? Въ этомъ то и состоитъ споръ между коллективизмомъ и коммунизмомъ.

Коммунизмъ неизбѣженъ.

Что лежитъ въ основѣ коммунизма? Ясный и точный принципъ: каждому по его потребностямъ. Это значитъ, что всѣ члены трудового общества имѣютъ одинаковое право на удовлетвореніе всѣхъ своихъ насущныхъ потребностей. Что современное общество сдѣлало возможнымъ коммунизмъ, объ этомъ мы уже говорили. Нужно только показать, что всякая другая форма невозможна, что коммунизмъ необходимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ коллективизмъ? „Каждому по его труду“ или, иными словами: „Каждому продуктъ его труда“.

Какая жалкая утопія!

Каждому по его труду! Но какъ измѣрить количество труда отдѣльной личности? Каждая отрасль труда такъ тѣсно, такъ неразрывно связана со всѣми остальными, что совершенно невозможно опредѣлить, какая доля продукта принадлежитъ каждой изъ нихъ. Какъ распредѣлить общественный продуктъ, надъ которымъ работали не двѣ-три отрасли промышленности, а все человѣчество не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ?

Вѣдь въ каждомъ продуктѣ современнаго производства скрыто громадное количество труда всѣхъ прошлыхъ поколѣній. Тѣмъ болѣе, какъ опредѣлить, что принадлежитъ каждому члену общества?

Если мѣрой труда будетъ рабочее время, то какъ измѣрять рабочее время? Нужно-ли признать, что всѣ виды труда, всѣ рабочіе часы равны между собою?

Если всѣ рабочіе часы равны, то, при одномъ и томъ же рабочемъ днѣ, всѣ платы будутъ также равны. А это вѣдь просто означаетъ, что каждый членъ общества будетъ имѣть право на одинаковую долю общественнаго богатства. Это-то и есть окольное признаніе коммунизма, котораго открыто добиваются анархисты.

Если же виды труда неравны между собою, то какимъ образомъ соціальдемократическое начальство установитъ отношеніе между ними? Теперь это стихійно дѣлаетъ безпощадная конкурренція. Но она вѣдь исчезнетъ вмѣстѣ съ частной собственностью на средства производства. Кто-же установитъ отношеніе между трудомъ ткача, портного и учителя? Кто и гдѣ найдетъ критерій для оцѣнки всѣхъ разновидностей человѣческаго труда? Никто и нигдѣ, кромѣ произвольной законодательной власти.

Законъ установитъ, кто, гдѣ, какъ и сколько долженъ работать. Законъ же установитъ и отношенія между всѣми видами труда, т. е. кто какую плату долженъ получать за свой трудъ.

Ясно, что изъ платы каждаго работника государство будетъ вычитывать 1) средства на содержаніе законодательной власти и исполнительныхъ чиновниковъ, 2) средства на содержаніе неработоспособныхъ, 3) расходы по поддержанію общественныхъ учрежденій, 4) на вознагражденіе свыше средней нормы тѣхъ видовъ труда, которые законъ признаетъ болѣе сложными. Сколько нужно невѣжества и безстыдства, чтобъ утверждать, что при такихъ обстоятельствахъ каждый получитъ по своему труду! Вѣдь съ такимъ же правомъ и современный буржуа можетъ утверждать, что въ буржуазномъ обществѣ каждый рабочій получаетъ соотвѣтственно своему труду, соотвѣтственно количеству затраченной энергіи.

Чѣмъ отличается тогда пресловутый коллективизмъ отъ капитализма? Рабочая плата остается нетронутой, рабочій день регламентируется закономъ, экономическое неравенство сохраняется, а, главное, въ силѣ остается самый позорный институтъ современности — наемный трудъ... Что измѣнилось? По всей вѣроятности, плата нѣсколько повысится. Вотъ и все. Исчезнетъ ли безработица, этотъ бичъ работника? Нисколько. Вѣдь государство будетъ пла-

тить только за трудъ, который будетъ имъ признанъ общественно-полезнымъ въ данный моментъ. Поэтому не исключена возможность, что многіе работники не будутъ имѣть работы благодаря временному наплыву въ ту или иную отрасль труда. Ибо если государство будетъ платить каждому работнику за какую ему угодно работу, оно совершенно не сможетъ регулировать производства, не сможетъ предупреждать недопроизводства. Производство впадетъ въ такой безмысленный хаосъ, который является не анархіей, а ея сквернѣйшей каррикатурой.

Избѣгнуть этого хаоса государство сможетъ только двумя способами: или не платить излишнимъ работникамъ и этимъ заставить ихъ перейти въ другія отрасли труда, гдѣ ихъ рабочая сила нужна, или заставлять заниматься тѣмъ или инымъ трудомъ.

Первый способъ вполнѣ возстановляетъ современный капитализмъ, второй идетъ дальше и воскрешаетъ всѣ прелести рабства. Разница только та, что теперь работодатель или рабовладѣлецъ будетъ добровольно избранъ народомъ посредствомъ всеобщаго голосованія, и ихъ иго будетъ еще прочнѣе, такъ какъ будетъ покоиться на фикціи народнаго самодержавія. Снова повторяется историческая иронія, которая создалась когда то въ Римѣ, гдѣ римскій пролетаріатъ считался по закону владыкой міра, верховнымъ господиномъ всей земли, всѣхъ народовъ, а самъ жилъ впроголодь подачками его собственныхъ уполномоченныхъ, государственной власти. Много общаго сходнаго съ Римской Республикой обѣщаетъ намъ будущая Соціальная Республика. Коренное различіе будетъ состоять только въ томъ, что Римское Государство было построено на рабствѣ, а Соціалистическое Государство будетъ основано на наемномъ трудѣ. Мы можемъ поэтому смѣло сказать, что коллективизмъ есть только дальнѣйшее развитіе капитализма. И капитализмъ чувствуетъ уже потребность въ націонализаціи

земли. Націонализація остальныхъ средствъ производства исподволь совершается трэстами. Коллективизмъ завершаетъ этотъ стихійный процессъ и передаетъ всѣ средства производства одному трэсту, избираемому народомъ. Но какъ рабъ не сталъ бы свободнымъ оттого, что получилъ бы право избранія своего господина, такъ и наемный рабочій остается современнымъ рабомъ, хотя онъ получитъ право избирать своего работодателя. Коллективизмъ есть только Государственный Капитализмъ. Рабочій станетъ вполнѣ рабомъ своего хозяина-Государства, такъ какъ исчезнетъ единственное ограниченіе произвола современнаго капиталиста, именно: конкурренція между самими капиталистами. Государство будетъ единственнымъ обладателемъ капитала, единственнымъ работодателемъ и единственнымъ обладателемъ власти. Власть хозяина, судьи и полицейскаго будетъ сосредоточена въ рукахъ одного чудовища — Государства, вездѣсущаго и всесильнаго.

Понятно, что судьи, чиновники, вообще такъ называемые интеллигентные работники пріобрѣли бы небывалое вліяніе. За феодальной аристократіей меча и буржуазной аристократіей золотого мѣшка выросла-бы новая аристократія, аристократія знанія. Какъ ужасно было-бы это иго, трудно представить себѣ теперь.

Къ счастью коллективизмъ является такой-же реакціонной утопіей, какъ и феодализмъ. Новая соціальная революція покончила-бы съ этимъ новымъ видомъ рабства и осуществила-бы тотъ общественный строй, который одинъ только можетъ быть прочнымъ наслѣдникомъ капитализма, именно: полный коммунизмъ, т. е. общую собственность на всѣ средства производства и продукты потребленія.

Но коммунизмъ въ экономической власти неизбѣжно долженъ увѣнчаться анархіей въ области политической. Поэтому рядомъ съ полнымъ уничтоженіемъ частной соб-

ственности должно идти полное уничтоженіе Государства.

Государство.

Что такое государство? Мы уже знаемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Государство это организація для охраны существующей формы собственности, т. е. данной формы эксплуатаціи. Во всѣ времена, со временъ Востока и до нашихъ дней, всѣ классовыя общества опирались на Государство. Китай, Египетъ, Индія, Іудея, Римъ, Греція, средневѣковыя городскія коммуны, вольные города, монархіи и республики, — словомъ всѣ историческія общества вырабатывали только особыя формы государственной власти, какъ только внутри ихъ развивался классовый антагонизмъ. Разнообразіе государственныхъ формъ опредѣлялось разнообразіемъ отношеній борющихся классовъ.

Но и восточная деспотія, и городская коммуна, и вольный Новгородъ, какъ и всякое государство, имѣютъ одну основную задачу — охранять существующую форму собственности. Какъ это сдѣлать? Способъ только одинъ: предупреждать и карать всякое покушеніе на нее.

Это достигается раньше всего тѣмъ, что постепенно создается цѣлая система общеобязательныхъ нормъ, система права. На этой почвѣ рано или поздно вырастаетъ спеціальный органъ — законодательная власть. Въ обществахъ съ малочисленнымъ господствующимъ классомъ, сосредоточеннымъ въ одномъ центрѣ, такимъ законодательнымъ органомъ является весь господствующій классъ въ цѣломъ, собранный на народное вѣче. Въ болѣе обширныхъ обществахъ, съ углубленіемъ классовой борьбы, законодательная функція переходитъ къ предводителю господствующаго класса — королю или какой-нибудь выдающейся группѣ семействъ изъ среды господъ. Въ буржуазномъ обществѣ оффиціально законодателемъ является самодержавный народъ, фактически собраніе делегатовъ бур-

жуазіи — парламентъ, подобно тому, какъ оффиціально въ буржуазномъ обществѣ каждый человѣкъ получаетъ изъ національнаго богатства пропорціонально своей общественной полезности, а фактически все богатство — въ рукахъ одной буржуазіи: какъ въ производствѣ рабочіе тратятъ свою жизнь только для того, чтобъ увеличить матеріальную мощь буржуазіи, такъ въ парламентѣ представители рабочихъ только усиливаютъ авторитетъ политической диктатуры буржуазіи.

Кромѣ законодательной власти, нуженъ органъ, который имѣетъ своимъ назначеніемъ рѣшать вопросъ о томъ, нарушенъ ли законъ и какой именно. Это — судъ. Выбирается ли судебная власть господствующимъ классомъ посредствомъ голосованія или жребія, назначается ли королемъ или избирается всѣмъ народомъ, она можетъ имѣть только одну задачу — карать всякое нарушеніе существующаго права.

Завершеніемъ государства является исполнительная власть, въ рукахъ которой находится вся матеріальная сила, которая изо дня въ день предупреждаетъ, пресѣкаетъ и караетъ. Это правительство съ полиціей, шпіонами, жандармами и арміей. Различная организація правительственной власти въ различныя времена и въ разныхъ мѣстахъ вытекала только изъ потребности приспособиться наилучше къ даннымъ общественнымъ отношеніямъ.

Всѣ эти части государственной власти связаны между собой неразрывными узами, какъ звенья одной цѣпи. Гдѣ существуетъ малѣйшій зародышъ власти, хотя-бы только въ видѣ обязательныхъ общихъ законовъ, рано или поздно съ естественной необходимостью вырастаетъ вся государственная машина: въ началѣ судъ, потомъ болѣе или менѣе смягченная форма правительства, а затѣмъ и подходящая форма организованной силы. Будутъ-ли законы просто называться правилами для регулированія производ-

ства, будетъ-ли правительство носить скромное названіе центральнаго промышленнаго комитета, а какая нибудь общественная группа приметъ кличку хотя-бы почетныхъ гражданъ — охранителей порядка, — все равно передъ нами зародышъ, который скоро превратится въ настоящаго государственнаго вампира. Поэтому отрицаніе арміи и полиціи есть отрицаніе и правительства, и суда, и закона.

Такое полное отсутствіе государственной власти мы видимъ только въ первобытномъ обществѣ, гдѣ отсутствовало дѣленіе на классы, т. е. собственность была коммунистической. Мы не видимъ тамъ законовъ: ихъ замѣняетъ обычай. Тамъ нѣтъ суда, потому что носителемъ обычая, какъ и собственности, является все общество. Отсутствуетъ и исполнительная власть, такъ какъ нѣтъ ея основы — закона и суда. Итакъ, въ пику всѣмъ сознательнымъ и безсознательнымъ идеологамъ кулака и полиціи, человѣчество цѣлыя тысячелѣтія жило и развивалось, вело самую суровую борьбу съ природой безъ всякой благодѣтельной государственной власти.

Исторія государства есть исторія порабощенія трудящихся массъ, исторія гнета, грабежа и насилія. Государство всегда давило своей тяжелой лапой всѣ стороны человѣческой дѣятельности. Подъ его ядовитымъ дыханіемъ глохли искусства, умирала поэзія, погибали безплодно благородныя стремленія къ свободѣ и свѣту.

Просмотрите исторію человѣчества. Если вы натолкнетесь на какой-нибудь свѣтлый оазисъ, вы сейчасъ же убѣдитесь, что это время отсутствія или ослабленія государственной власти. Почему такъ рано застыли на извѣстной ступени развитія восточные народы? Потому что, съ усиленіемъ классовыхъ противорѣчій, создалась и окрѣпла сильная государственная власть, которая убила всѣ порывы къ духовному творчеству, задушила культуру. Когда наступило самое цвѣтущее время эллинизма? Когда город-

ская община, хотя и жившая соками рабовъ, сама внутри себя не знала классовыхъ противорѣчій и потому не нуждалась въ сильной власти. Но какъ только и въ городской общинѣ обнаружился глубокій антагонизмъ и выросла власть государства, эллинизмъ началъ чахнуть. Римъ никогда не зналъ самостоятельной культуры, которая могла бы пойти въ сравненіе съ греческой, потому что суровая государственная власть, которая съ самаго дѣтства придавила римскій народъ, убила свободное творчество. И какъ матеріальную пищу римскій господствующій классъ безстыдно высасывалъ изъ соковъ рабовъ всего міра, такъ же безцеремонно онъ жилъ духовной пищей побѣжденныхъ народовъ. Только одно создалъ этотъ народъ — государственникъ par exellence: это — римское право, которое всегда потомъ служило орудіемъ угнетенія, порабощенія трудящихся и оправданіемъ всякаго насилія и звѣрства. А городскія коммуны и вольные города начала среднихъ вѣковъ? Гдѣ причина ихъ чудеснаго, внезапнаго расцвѣта? Въ томъ, что въ борьбѣ съ феодализмомъ господствующій городской классъ нуждался въ постоянной дѣятельной помощи народа и потому создалъ крайне слабую, едва замѣтную государственную власть. Но какъ только и въ коммунахъ усилилось государство, смертный приговоръ былъ подписанъ, и коммуны умерли духовно: замолкли пѣсни трубадуровъ, умерло дивное народное искусство, все зачахло и потухло... А чѣмъ объясните вы культурное первенство Англіи, чѣмъ, какъ не тѣмъ фактомъ, что она никогда не знала такой свирѣпой государственной власти, какъ континентальная Европа?

Государство убиваетъ человѣческую личность и тѣмъ вырываетъ благородные корни культуры умственной и моральной. Въ государствѣ нѣтъ свободныхъ людей — въ немъ всѣ чиновники или подданные. Его идеалъ — даже подданныхъ сдѣлать своими чиновниками, чтобъ привязать

всѣхъ къ своей позорной колесницѣ и искоренить всякую возможность соціальной революціи.

Въ Римѣ господствующій классъ сдѣлалъ грандіозную попытку взять себѣ на жалованье цѣлый классъ, именно, пролетаріатъ римскій, и этимъ, дѣйствительно, надолго отсрочилъ свою гибель. Но и Римъ осуществилъ только часть государственнаго идеала, ибо за подкупленнымъ пролетаріатомъ остался еще одинъ классъ — рабы, которыхъ нельзя было взять на государственную службу, потому что некому было бы кормить аристократовъ и давать озвѣрѣвшей черни „хлѣбъ и зрѣлища“. Союзъ этого класса съ варварами и разрушилъ римское общество.

Буржуазія также дѣлаетъ всѣ попытки къ тому, чтобъ привязать пролетаріатъ къ буржуазному государству и тѣмъ подкупить и развратить его. Умственныхъ пролетаріевъ она привлекаетъ прямо на государственную службу. Промышленныхъ рабочихъ она старается связать государственнымъ страхованіемъ. Государство старается забрать въ свои руки возможно большее количество промышленныхъ предпріятій и стать хозяиномъ возможно большихъ массъ рабочихъ. Но всѣ свои усилія оно направляетъ къ тому, чтобы самые революціонные элементы современнаго общества заинтересовать въ своемъ существованіи: съ этой цѣлью оно создаетъ такъ наз. „государственный соціализмъ“ и привлекаетъ рабочихъ къ участію въ законодательной дѣятельности. Поэтому соціальдемократія своей парламентарной тактикой безсознательно куетъ цѣпи, которыя связываютъ рабочій классъ и дѣлаютъ его орудіемъ буржуазнаго государства.

Но идеалъ государственнаго порабощенія осуществитъ только соціалистическое государство: вѣдь тамъ всѣ — чиновники, даже больше — „промышленные солдаты“. *

---

* Конецъ II гл. „Ком. Ман.“.

Трудно представить себѣ болѣе сильное государство, трудно придумать болѣе страшное рабство. Горе человѣчеству, если пролетаріатъ продастъ священное право свободы личности за чечевичную похлебку грубо-животнаго, стаднаго довольства... Нѣтъ! Пролетаріатъ не одѣнетъ на себя страшнаго ярма государственной власти, потому что она не только не нужна ему, но и вредна.

Государство не нужно, потому что, съ уничтоженіемъ классовъ, падаетъ самая главная функція — охрана господства одного класса. Всѣ же остальныя функціи прекрасно могутъ исполняться частными вольными ассоціаціями. Почта, телеграфъ, пути сообщенія не только не выигрываютъ отъ государственной монополіи, но много теряютъ, такъ какъ государство подчиняетъ ихъ своимъ интересамъ господства и эксплуатаціи. Еще больше теряетъ народное образованіе отъ вмѣшательства государства, которое своей оффиціальностью, бюрократизмомъ, игнорированіемъ индивидуальности и авторитаризмомъ вноситъ настоящій ядъ въ духовную пищу народа и пропитываетъ его предразсудками, которые являются самымъ сильнымъ препятствіемъ его собственнаго освобожденія. И университеты процвѣтаютъ тѣмъ больше, чѣмъ они свободнѣе отъ путъ государственнаго паука. Даже въ своей спеціальной области, въ военномъ искусствѣ, государство безсильно, и успѣхи военнаго знанія обязаны только вольнымъ обществамъ, какъ не вышелъ еще ни одинъ геній изъ патентованныхъ университетовъ и академій. Власть убиваетъ инціативу, безъ которой невозможно ничто великое.

Зачѣмъ же нужно государство пролетаріату? Угнетать ему некого, такъ какъ торжество пролетаріата есть смерть классовъ и привилегій. Охранять существующую форму собственности безсмыслица тамъ, гдѣ господствуетъ полный коммунизмъ, т. е. собственность всѣхъ. Защищать установившійся порядокъ отъ измѣненій противно основнымъ

интересамъ рабочаго общества, которое можетъ только выигрывать отъ безпрерывнаго развитія новыхъ формъ общежитія. Кому же нужна въ будущемъ государственная власть, когда она можетъ приносить только вредъ, внести развратъ властолюбія, стать угрозой народной и личной свободы и убивать смѣлые порывы свободной человѣческой личности?

Но, можетъ быть, оно нужно для руководства производствомъ? Какая ограниченность! Развѣ можно руководить производствомъ, не руководя производителями? Развѣ можно „управлять вещами“, не управляя господами вещей — людьми? Ясно, что невинное „руководство производствомъ“ скрываетъ подъ собой такую же форму господства, какъ капитализмъ или рабство, что мы показали уже выше. Устранять же перепроизводство и недопроизводство могутъ и вольныя рабочія ассоціаціи посредствомъ свободныхъ соглашеній, какъ это теперь довольно часто дѣлаютъ трэсты. Почему капиталисты могутъ прекрасно регулировать производство безъ помощи, а иногда и за спиной государства, посредствомъ простыхъ договоровъ, а рабочія ассоціаціи этого не смогутъ сдѣлать? Почему хорошо поставленная статистика, при современныхъ средствахъ сношеній, не сможетъ еще больше облегчить задачу регулированія производства?

Бросьте общій взглядъ на современную промышленность. Въ основѣ она представляетъ цѣлую систему рабочихъ ассоціацій. Каждая изъ нихъ, создавъ массу продуктовъ, передаетъ ихъ совершенно лишнему въ производствѣ человѣку — капиталисту. Отъ него продукты переходятъ въ руки цѣлаго ряда посредниковъ, оставляя у каждаго добрую долю, и, наконецъ, попадаютъ отчасти въ руки создавшей ихъ ассоціаціи, отчасти въ руки другихъ рабочихъ ассоціацій. Зачѣмъ продуктъ долженъ былъ сдѣлать этотъ безсмысленный круговоротъ, вмѣсто того, чтобъ естественно перейти прямо къ производительнымъ рабочимъ ассо-

ціаціямъ? Этого требуетъ частная собственность. Ясно, что стоитъ только современнымъ рабочимъ ассоціаціямъ отказаться отъ предразсудка частной собственности и признать, что все принадлежитъ всѣмъ, и сразу вся свора паразитовъ оказывается за бортомъ, исчезаетъ голодъ, безработица, наемный трудъ, — исчезаетъ капитализмъ, такъ какъ міръ оказывается простымъ вольнымъ союзомъ рабочихъ ассоціацій, общество стало коммунистическимъ и анархическимъ.

Что можетъ этому помѣшать? Только одна сила — Государство, вѣдь сама буржуазія малочисленная и трусливая не могла бы даже оказать малѣйшее сопротивленіе многочисленнымъ, сплоченнымъ и революціоннымъ пролетаріямъ. Вотъ почему разрушить государство уже значитъ совершить главную работу созиданія новаго общества. Мы не хотимъ сочинить какой-то новый міръ. Нѣтъ! Мы хотимъ устранить только съ пути то препятствіе, которое не даетъ современному обществу мирно перейти въ другую фазу и явно толкаетъ его къ новому варварству и гибели. Мы видимъ, что въ нѣдрахъ современнаго общества вполнѣ созрѣли начала коммунизма и анархіи, а государство насильственно охраняетъ современный порядокъ нищеты, безправія, невѣжества, и естественно самъ собою напрашивается лозунгъ: Долой Государство! Да здравствуетъ анархія!

Наша тактика.

Каковы должны быть наши средства борьбы?

Тактика рабочаго класса такъ же мало, какъ его идеалъ — сверженіе Капитала и Государства — не можетъ быть придумана, сочинена, внесена извнѣ. Нѣтъ! Ее нужно открыть въ нѣдрахъ современнаго общества. Нужно внимательно изучить, гдѣ тѣ элементы, развитіе которыхъ разрушаетъ существующее общество и создаетъ новое. От-

крывъ эти элементы, мы должны своей тактикой сознательно ускорять ихъ развитіе.

Какъ современныя профессіональныя рабочія организаціи — зародышъ будущихъ вольныхъ ассоціацій, такъ естественное орудіе рабочаго класса — стачка — есть зерно нашей тактики.

Мы видѣли, что пролетаріатъ, вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма, все больше расширяетъ и углубляетъ свою борьбу: частичныя стачки теряютъ свое значеніе, даже массовыя переходятъ въ генеральныя.

Что должны дѣлать мы — передовой отрядъ пролетаріата? Мы должны сознательно ускорять стихійный ходъ борьбы рабочаго класса: мы должны мелкія стачки превращать въ генеральныя, а послѣднія превратить въ вооруженное возстаніе рабочихъ массъ противъ Капитала и Государства.

Во время этого возстанія мы должны при первомъ удобномъ случаѣ приступить къ немедленному захвату всѣхъ средствъ производства и всѣхъ продуктовъ потребленія и сдѣлать рабочій классъ фактическимъ хозяиномъ всего общественнаго богатства. Одновременно же мы должны безпощадно уничтожать всѣ остатки государственной власти и классоваго господства: разрушать тюрьмы и участки, освободивъ заключенныхъ, уничтожать всѣ юридическіе акты о частной собственности, всѣ полевыя изгороди, межи, жечь долговыя свидѣтельства, — словомъ, мы должны позаботиться о томъ, чтобъ стереть съ лица земли все, что напоминаетъ право на частную собственность. Взорвать казармы, жандармскія и полицейскія управленія, разстрѣлять наиболѣе видныхъ военныхъ и полицейскихъ начальниковъ — должно быть важной заботой возставшаго рабочаго народа. Въ дѣлѣ разрушенія мы должны быть безпощадны, такъ какъ малѣйшая слабость съ нашей стороны можетъ стоить потомъ рабочему классу цѣлое море лишней

крови. Разрушая до тла всѣ остатки господства Капитала и Государства, мы должны стараться возможно скорѣе начать производство на новыхъ началахъ, т. е. расширить существующія рабочія орзанизаціи и ихъ союзы и передать имъ производство. Начать дѣло долженъ каждый городъ отдѣльно и провозгласить Коммуну, т. е союзъ всѣхъ свободныхъ рабочихъ ассоціацій становится хозяиномъ города. При первомъ удобномъ случаѣ Коммуна городская входитъ въ сношенія и составляетъ союзъ съ окрестными сельскими коммунами. Расширеніе союза, объединеніе всѣхъ коммунъ въ одну громадную національную или международную Федерацію есть дѣло дальнѣйшаго развитія.

Но возможна ли теперь такая генеральная стачка? Не утопично ли стремленіе вызвать всеобщую и одновременную остановку работъ — производства и обращенія? Скептицизмъ этотъ основанъ на простомъ непониманіи той тѣсной зависимости, которая существуетъ между всѣми отраслями труда: почти ни одна не можетъ долго работать безъ другихъ, и прекращеніе работы въ нѣсколькихъ главныхъ областяхъ промышленности должно неизбѣжно вызвать остановку во всѣхъ остальныхъ.

Насъ спросятъ: имѣетъ ли всеобщая стачка шансы на успѣхъ? Какъ прокормить весь рабочій классъ, хотя бы въ теченіе одного дня? Развѣ уже поэтому стачка не должна неминуемо кончиться полнымъ пораженіемъ рабочихъ? Безъ сомнѣнія, генеральная стачка системы „скрещенныхъ рукъ“ должна потерпѣть полную неудачу. Но мы зовемъ рабочій классъ къ соціальной революціи не для того, чтобы укрѣпить въ немъ уваженіе къ частной собственности, созданной его кровавымъ трудомъ. Въ тотъ день, когда всѣ рабочіе выйдутъ на улицу, мы имъ скажемъ: „смотрите, какъ замолкла вся производственная и торговая жизнь, какъ уныло и мрачно стоятъ безмолвные заводы, фабрики, мастерскія, магазины съ той минуты, какъ вы переста-

ли работать. Кто же создалъ все это богатство, какъ не вы — работники? Кому должно оно принадлежать, какъ не вамъ — пролетаріямъ? Что же, неужели вы будете терпѣть и голодать среди этого моря продуктовъ, созданныхъ вашимъ трудомъ? Бросьте рабское уваженіе къ закону: берите все, что вамъ нужно! Накормите всѣхъ голодныхъ! Одѣньте всѣхъ въ чистыя, праздничныя платья! Разрушьте свои грязные подвалы и переселитесь въ роскошныя палаты праздныхъ богачей! Кто вамъ будетъ мѣшать, того устраняйте съ пути, какъ врага вашей свободы!" Какъ видно, мы — анархисты имѣемъ прекрасное средство прокормить бастующій рабочій классъ...

Однако, намъ могутъ сказать, что польза генеральной стачки не окупаетъ ея страшныхъ жертвъ, которыя она должна стоить. На это мы даемъ ясный отвѣтъ. Мы охотно избавили бы пролетаріатъ отъ лишнихъ страданій. Но какъ это сдѣлать? Мы убѣдились, что законодательныя реформы почти ничего не даютъ рабочимъ или сводятся на нѣтъ буржуазіей. Нужно поэтому, чтобъ самъ рабочій классъ своею дѣятельностью, своею борьбой добивался лучшей жизни. А у рабочихъ есть только одно боевое оружіе — стачка. Но частичная стачка съ каждымъ днемъ все притупляетъ свое значеніе вмѣстѣ съ ростомъ силъ капитала, съ увеличеніемъ союзовъ капиталистовъ. Одно могучее, неотразимое и страшное орудіе осталось въ рукахъ работниковъ — это всеобщая стачка. Какъ же можемъ мы отъ него отказаться? Гдѣ это видано, чтобъ какой-нибудь классъ добился свободы безъ большихъ усилій и тяжелыхъ страданій? Посмотрите вокругъ и спросите себя, сколько крови высасываетъ буржуазія каждый часъ во всемъ мірѣ. Мы не замѣчаемъ этихъ безумныхъ кровопролитій только потому, что они совершаются планомѣрно, тихо, медленно и подъ прикрытіемъ безстыднаго закона. Чего же намъ опасаться? У рабочаго класса есть только выборъ

между вѣчнымъ рабствомъ и кровавой борьбой. Нашъ выборъ сдѣланъ, и мы зовемъ всѣхъ работниковъ къ безпощадной войнѣ съ Капиталомъ и Государствомъ.

Но намъ еще могутъ сказать: неужели вы мечтаете сломить такую грозную силу, какъ современное государство? Мы отвѣтимъ, что генеральная стачка есть лучшее средство ослабить и уничтожить эту силу. Армія сильна только до тѣхъ поръ, пока она сосредоточена въ нѣсколькихъ пунктахъ и вполнѣ сохранила строгую дисциплину. Но что станетъ съ арміей, когда ей придется разбросаться по всей странѣ? Что станетъ съ дисциплиной, когда солдатъ убѣдится, что онъ имѣетъ дѣло не съ кучкой „внутреннихъ враговъ“, а со всѣмъ рабочимъ народомъ? Не вспомнитъ ли онъ, что и у него на родинѣ остались родные, которые тоже бастуютъ и которымъ тоже угрожаетъ смерть отъ ружейнаго дула? Не дрогнетъ-ли сердце рабочаго въ мундирѣ передъ грандіознымъ величіемъ возставшаго народа? Не проснется-ли въ немъ братское чувство солидарности всѣхъ трудящихся, всѣхъ угнетенныхъ? Въ ту минуту армія сразу станетъ безсильной передъ лицомъ возставшаго труда, и Государство рухнетъ при ликующихъ кликахъ освобожденнаго человѣчества.

Итакъ, для насъ, анархистовъ-коммунистовъ, борьба экономическая и борьба политическая не представляютъ собою двухъ совершенно отдѣльныхъ, другъ отъ друга оторванныхъ областей. Нѣтъ! Онѣ сливаются для насъ въ одну и ту-же борьбу самого рабочаго класса противъ всѣхъ формъ гнета — противъ Капитала и противъ Государства.

Только мы дѣйствительно проводимъ въ жизнь великій принципъ: „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самого рабочаго класса“, ибо мы не поручаемъ освобожденія трудящихся кучкѣ политикановъ, взваливъ на плечи пролетаріата только жалкую

борьбу за мелкія реформы. Мы убѣждены, что только прямая борьба рабочаго класса можетъ и должна привести къ полному разрушенію существующаго строя.

Мы можемъ поэтому нашу тактику формулировать такъ: Участвуя въ борьбѣ рабочаго класса, руководя ей, безпрерывно расширяя и углубляя эту борьбу, зажечь и поддерживать пожаръ гражданской войны до тѣхъ поръ, пока мы не вырвемъ съ корнемъ господства Капитала и Государства.

Вотъ наше ученіе и вотъ наши средства борьбы! Пусть же исчезнетъ вздорная сказка о „новыхъ варварахъ"! Мы хотимъ разрушить не культуру, а иго рабства: мы — „варвары" только для господъ современныхъ рабовладѣльцевъ...

Суровы средства нашей борьбы. Но развѣ мы виновны въ этомъ? Жестокая жизнь насъ толкаетъ въ битву и даетъ намъ въ руки желѣзный молотъ, чтобъ разить враговъ безпощадно и добиться цѣли, нашей славной цѣли...

Мы идемъ спокойно, весело не потому, что намъ не больно вѣчно звать къ кровавой битвѣ... Нѣтъ! Нѣтъ! Но потому, что тамъ, вдали, за трупами героевъ, за баррикадами, залитыми кровью, за всѣми ужасами гражданской войны, намъ сіяетъ уже величавый, прекрасный образъ человѣка, безъ бога, безъ хозяина и безъ власти.

Мы ненавидимъ религію, потому что она лживыми сказками усыпляетъ душу, отнимаетъ бодрость и вѣру въ силы человѣка, вѣру въ торжество справедливости здѣсь на реальной землѣ, а не на фантастичномъ небѣ. Религія все покрываетъ туманомъ: реальное зло становится призрачнымъ, а призрачное благо — реальнымъ. Она всегда освящала рабство, горе и слезы. И мы объявляемъ войну всѣмъ богамъ и религіознымъ баснямъ. Мы — атеисты.

Мы ненавидимъ рабство во всѣхъ его видахъ. А раз-

вѣ „вольный рабочій“ не рабъ? Развѣ кнутъ хозяйскій не виситъ надъ головой пролетарія? Рабочій пересталъ быть рабомъ одного господина, одного хозяина... Но развѣ онъ не рабъ всего класса хозяевъ? Пусть возмутится современный рабъ и броситъ своего господина — все равно: голодъ погонитъ его къ другому хозяину и снова потянется лямка вѣчной работы, вѣчнаго голода, вѣчнаго рабства. Нужно вырвать съ корнемъ дѣленіе людей на господъ и рабовъ. Мы — коммунисты.

Мы ненавидимъ власть — эту вѣчную охрану рабства и врага свободы. Уничтоживъ господъ, зачѣмъ оставить кнутъ господскій: разрушивъ силу капитала, зачѣмъ оставить его защиту — Государство? Развѣ дать человѣку хлѣбъ значитъ раздобыть свободу? Вѣдь и свиньи въ хлѣву имѣютъ корму... Не къ мѣщанскому счастью зовемъ мы рабочихъ — мы зовемъ ихъ къ свободѣ, къ абсолютной свободѣ. Мы — анархисты.

Мы хотимъ разсѣять мракъ и невѣжество и уничтожить предразсудки, чтобъ понялъ пролетарій весь міръ, понялъ самого себя и все величіе человѣка. Мы хотимъ оторвать работника отъ вѣчныхъ заботъ о желудкѣ, дать ему разогнуть свою спину и открыть ему цѣлый новый міръ — міръ прекрасныхъ формъ и чудныхъ звуковъ...

Къ тебѣ обращаемъ мы рѣчь, братъ нашъ — рабочій! Проснись, оглянися вокругъ! Посмотри, какъ ты униженъ и какъ ты бѣденъ! Вспомни, что ты человѣкъ и что ты — ты создалъ весь этотъ міръ богатства! Пойми, что пролетаріи всѣхъ странъ — твои братья, у всѣхъ васъ одна задача — разрушить міръ наживы и создать міръ свободы, у всѣхъ одно средство — вооруженное возстаніе и насильственный захватъ всѣхъ орудій и всѣхъ продуктовъ труда... Горе врагамъ рабочаго класса!

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)